© ЭО, 2005 г., № 4

М.М. Хасанова. Рец. на: ***Бронислав Пилсудский. Материалы для изучения айнского языка и фольклора (Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 7)*** / Отв. ред. М.М. Прокофьев. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2004. 438 с.

В последние десятилетия интерес к трудам и личности Б.О. Пилсудского неуклонно растет. Большой вклад в дело публикации и в пропаганду работ этого исследователя внесли сотрудники Сахалинского областного краеведческого музея, польские (в частности проф. А. Маевич) и японские ученые.

На этот раз сахалинские коллеги порадовали нас солидной публикацией. В № 7 "Известий Института наследия Бронислава Пилсудского" представлены тексты на айнском языке (с переводом), записанные Пилсудским на Сахалине в начале XX в. Материалам собирателя предпосланы статьи В.Д. Косарева и А. Маевича, а завершает книгу словарь сахалинского диалекта (около 6000 слов и словосочетаний), подготовленный В.Д. Косаревым по работам Пилсудского и ряда других авторов конца XIX – начала XX в.

Бронислав Осипович Пилсудский (1866–1918) прошел нелегкий путь политического ссыльного на Сахалине. В 1886 г. он, 20-летний студент Санкт-Петербургского университета, арестованный за соучастие в подготовке покушения на Александра III и в 1887 г. осужденный на 15 лет, попал на Сахалин, где провел 12 лет. В 1899 г. ему было разрешено поселиться во Владивостоке и он начал работать в музее Общества изучения Амурского края. В 1901 г. Пилсудский получил предложение от Академии наук выехать на Сахалин с целью сбора коллекций для МАЭ. В 1902–1905 гг. он работал на острове, результатом чего стали девять поступивших в МАЭ вещевых коллекций (айнские – колл. № 700, 829, 837, 839, 1039, 2803, 3125 и утраченная 1172; нивхская – колл. № 1124; орокская – в составе колл. № 2803) и одна фотоколлекция (№ 1472, 84 ед.).

Важно отметить, что в течение сахалинской ссылки Бронислав Осипович увлеченно занимался записями нивхских и орокских (уилта) нарративов. Во время экспедиции 1902–1905 гг. он заинтересовался айнским языком и фольклором (не исключено, что причиной тут были и личные мотивы: его женой в тот период была молодая айнская женщина по имени Чухсама), стал делать записи по-айнски. По-видимому, Пилсудский был очень одаренным в языковом отношении человеком – он смог овладеть совершенно не знакомыми и весьма сложными по структуре палеоазиатскими языками – нивхским и айнским. Результатом айнских штудий Пилсудского стала единственная книга, вышедшая при его жизни в Кракове в 1912 г. – Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore (Cracow, 1912). Именно этот труд и издан Институтом наследия Б. Пилсудского на русском языке (перевод осуществлен В.Д. Косаревым).

Неверно было бы утверждать, что российский читатель впервые получил возможность увидеть айнские предания, собранные Б. Пилсудским. Благодаря публикациям наших коллег на Сахалине и в Польше мы могли прочесть немалую часть его записей (*Пилсудский* 2002). К тому же нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что англоязычное издание "Materials…" было вполне доступно в России (в частности, оно есть в библиотеке МАЭ). Тем не менее нельзя и недооценивать выход в нашей стране перевода одной из важнейших книг по фольклору айнов.

Книга включает 27 текстов на айнском языке с переводом и комментариями, предисловие Пилсудского, касающееся его работы с айнами, жанров их фольклора, особенностей транскрипции и кратких заметок по грамматике. Собиратель отмечает, что у него имеется 350 текстов на айнском языке, записанных не только на Сахалине, но и на Хоккайдо. Между прочим, в Лондоне на Англо-японской выставке 1910 г. приглашенные туда айны района р. Сару продиктовали ему 50 сказок на своем диалекте. Все опубликованные Пилсудским тексты принадлежат к жанру *ućaśkoma* (огрубленно этот термин можно перевести как "предание") и относятся к сахалинскому диалекту (с. 37).

Как и все исследователи того времени, Бронислав Осипович записывал нарративы под диктовку. В таком способе есть свои плюсы и минусы. По собственному опыту могу сказать, что при диктовке исполнитель быстро утомляется, нередко старается сократить текст, бывает даже, что в какой-то степени искажает сюжет. С другой стороны, диктовка позволяет сразу видеть все произведение, проверить его с информантом, уточнить неясные моменты. Ком-

Марина Мансуровна Хасанова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

ментарии к *уцяськома*, сделанные Пилсудским, показывают его кропотливую работу как над лексикой и грамматикой каждого текста, так и над его содержательной стороной. Между тем он прекрасно понимал те недостатки, которые свойственны записи под диктовку, и нередко отмечал их в примечаниях: "Рассказчик этой истории – человек молодой, но особенно искусный в исполнении баллад. Данная легенда, однако, не из самых лучших; она, как я подозреваю, сильно сокращена, притом во вред ей" (с. 119).

Излишне говорить о ценности фольклорной коллекции Б.О. Пилсудского. Кроме его записей, в нашей стране были опубликованы лишь айнские тексты, собранные Н.А. Невским (*Невский* 1972) на Хоккайдо.

Материалы Бронислава Осиповича демонстрируют сложность и многообразие жанра уцяськома. В каком-то смысле уцяськома соответствует нанайскому *тэлунгу* и нивхскому *тылгур*. Пилсудский переводит этот термин как Tales and Traditions. Точнее, видимо, эту категорию произведений можно определить как сказку-миф или миф-предание. В айнских уцяськома, как известно, повествование ведется от первого лица, что является уникальной чертой и абсолютно не характерно для нарративов дальневосточных народов.

Опубликованные Пилсудским сюжеты весьма разнообразны: от более или менее реальных случаев (№ 2, 4) до мифов о "боге голода" (№ 22), о возникновении о-ва Тюлений (№ 3) или о том, как женщина вышла замуж за медведя и стала медведицей (№ 12) и др.

Пересказать сюжет уцяськома достаточно сложно, поскольку все они нуждаются в пояснениях. Но все-таки попытаемся изложить мифологическое произведение о духе – хозяйке гор в образе медведицы. Охотник промышлял на собственной речке и, к своему удивлению, добыл очень много пушных зверей. Возвращаясь после осмотра капканов, он увидел дым над своей охотничьей хижиной и обнаружил там женщину, похожую на его жену. Он сразу догадался, что это не его жена. Действительно, уходя на рассвете, она превратилась в медведицу. Охотник сделал жертвенные стружки-инау и расставил их в тех местах, где была медведица. С тех пор он стал удачлив и в охоте, и в морском промысле, и на рыбалке (№ 13).

А вот уцяськома о появлении о-ва Тюлений в заливе Терпения. Один мужчина заподозрил жену в измене и отстегал ее плетью. Но на том его гнев кончился, а женщина родила двух девочек-близнецов. Одна из них была "ребенком морского бога", а другая – "земного бога". Когда девочки выросли, то дочь морского бога создала остров, на котором было очень много нерп. Там она и поселилась. Айны ездили на этот остров и всегда возвращались с добычей. А когда жители селения серьезно поссорились, то все родственники дочери морского бога уехали к ней на остров и жили там (№ 3).

Судя по всему, фольклор сахалинских айнов сохранил многие архаические черты. К тому же эта этнографическая группа активнее других контактировала с тунгусо-маньчжурскими народами, влияние которых мы наблюдаем в том числе и в фольклоре (№ 7, 9, 10 и, возможно, № 11 и 14). Без труда прослеживается также взаимодействие устного творчества айнов и нивхов (№ 6, 12).

Публикации Пилсудского демонстрируют, насколько разительно фольклор айнов отличается от нивхского и тунгусо-маньчжурского. Кратко его можно определить как иной тип устной словесности, не свойственный другим народам Дальнего Востока. Есть соблазн считать его стадиально более ранней ступенью развития фольклора, но скорее всего это не так, поскольку в культурном отношении айны стояли приблизительно на том же уровне, что и окружающие их народы. В то же время мы далеки от мысли прямо соотносить общий уровень культурного развития народа и его устное творчество.

К чести собирателя, все тексты грамотно паспортизированы (т.е. указано, где, когда и от кого произведение записано). В примечаниях часто дается краткая характеристика рассказчика (см., например, № 2, 9), а также общие пояснения к тексту. Заметим, что для своего времени это был очень высокий уровень представления фольклорного материала.

Несколько более подробно хотелось бы остановиться на комментариях к текстам. "Примечания", как их именует сам Пилсудский, почти за сто лет нисколько не потеряли своей значимости. Они включают лингвистические (на наш взгляд, автор слегка грешит стремлением к не всегда верным этимологическим экскурсам), этнографические и фольклористические пояснения. Так, в отношении сюжета о женщине, вышедшей замуж за медведя, он пишет: "Данная легенда содержит столь много характерных черт, указывающих на гиляцкое происхождение, что сначала я склонен был именно к этому предположению. Но меня уверили, что это весьма древняя айнская легенда. Поэтому я посчитал необходимым для объяснения этих черт

сходства заметить, что культ медведя у обеих рас очень схож; что же касается других черт (полиандрия и т.п.), то здесь не могло не быть определенного влияния гиляков на их соседей, северных айнов" (с. 128). Несомненно, в нивхских сюжетах о "горных людях" можно уловить глубинное сходство с айнскими. Тем не менее ряд существенных моментов разнит их, что и позволило Пилсудскому сделать заключение о самобытности айнской уцяськома.

Серьезны и основательны этнографические комментарии. В них содержатся, к примеру, толкования таких существенных понятий, как *kamui* (дух высшего порядка, с. 64–65), *inau* (ритуальные стружки, с. 70), *ramu* (душа, с.71) и ряда других. Не удержусь от желания процитировать одно из разъяснений собирателя: ramu "душа"; raxki "быть подвешенным". Айны говорят, что душа подвешена внутри тела и поднимается, когда он сердит или печален. Смысл выражения "душа будет висеть" – "люди будут довольны, счастливы". Различают "длинные души" и "короткие души". Человек с "длинной душой", ramu tane, терпелив и медлителен на гнев; с "короткой душой", ramu taxkon, нетерпелив и вспыльчив (с. 71). Исключительно любопытны краткие замечания Пилсудского о конструкции айнского жилища и его внутреннем устройстве (с. 79, 80, 97, 151), о видах одежды (с. 110, 111, 191, 201), о поверьях (с. 97, 105, 107, 130, 146, 162, 171 и др.) и пр. В некоторых случаях автор отмечает элементы, заимствованные у амурских народов (с. 91, 111, 133) или у сахалинских нивхов (с. 117).

Чрезвычайно важны для понимания айнских традиций разъяснения Пилсудского в отношении таких терминов, как "воспитанная жена" и "вместе воспитанная жена" (с. 84), год (айны считают, что зимний период – это один год, а летний – другой, с. 110), "моя река" (речки у айнов Сахалина были в частной собственности, с. 133), *juf* (олень, эвфемистическое название медведя, с. 151, 185) и др.

Следует сказать, что читать "Примечания" Бронислава Осиповича – истинное удовольствие. Мы узнаем массу характерных мелочей, из которых постепенно складывается определенная картина жизни сахалинских айнов. Так, название мифического села Rurupa ~ Turupa переводится как "начало моря" (с. 69), а хлеб айны называли "отвердевшая зола" (с. 171), общим же наименованием одежды у них было śeta-rus, означающее буквально "собачья шкура", поскольку именно из этих шкур шилась зимняя одежда (с. 191). Кратко, но емко излагает Пилсудский некоторые поверья айнов, дополняющие тексты уцяськома: кит-косатка – главный "бог" среди морских животных (с. 162); если установить инау в честь убитого животного, то оно получает новую жизнь (с. 185); когда на небе появляется радуга, то это означает, что боги ведут между собой беседу (с. 146).

Помимо предисловия, Б.О. Пилсудский снабдил свои материалы кратким фонетическим очерком, поясняющим транскрипцию и озаглавленным "Замечания по айнской фонетике и транскрипции текстов". Без сомнения, он обладал хорошим слухом и сделал ряд тонких наблюдений, подтвердившихся позже. Так, его замечание о звучании айнских *у* и *о* оказалось абсолютно верным: айнское *у* более отодвинуто назад и часто воспринимается как *о* (*Tamura* 2000: 17) (с. 41). Совершенно понятными мы бы сочли некоторые колебания Пилсудского относительно фонологической разницы между краткими и долгими гласными в айнском языке (с. 42). Проф. С. Тамура – выдающийся исследователь айнского языка – уже в наше время выяснила, что долгота гласных в сахалинском диалекте все-таки была (но, видимо, постепенно нивелировалась), а в других айнских диалектах она была утрачена – трансформировалась в ударение (Там же: 22). Хотя Пилсудский не имел специального филологического образования, природная одаренность помогала ему делать верные выводы лингвистического характера.

Цитировать Б.О. Пилсудского хочется еще и еще – так важен и интересен для любого исследователя его материал, так необычен и увлекателен айнский фольклор. Спасибо тем, кто долго и упорно работал над изданием этой книги, кто дал нам возможность знакомиться с айнскими уцяськома и черпать новые сведения в примечаниях их собирателя. Необходимо особо отметить, что тексты Пилсудского на айнском языке воспроизведены в русскоязычном издании безукоризненно. Можно не сомневаться, что данное издание будет пользоваться повышенным спросом читателей и через короткое время станет раритетом.

Литература

Невский 1972 – *Невский Н.А.* Айнский фольклор. М., 1972.

Пилсудский 2002 – *Пилсудский Б.* Фольклор сахалинских айнов / Подг. к печати В.М. Латышева. Южно-Сахалинск, 2002.

Tamura 2000 – *Tamura S.* The Ainu Language. Tokyo; Sanseido, 2000.

На сайте журнала

Уважаемые читатели, обратите внимание, что на Интернет-сайте журнала в разделе *Этнографическое обозрение Online* (http://journal.iea.ras.ru/online) опубликованы следующие материалы:

- Список основных научных трудов О.Р. Будина
- Список основных научных трудов В.А. Липинской
- Список основных научных трудов Г.М. Патрушевой
- Список основных научных трудов И.М. Стеблин-Каменского

(Напоминаем, что все материалы, опубликованные на сайте, доступны как в формате, удобном для чтения непосредственно в Интернете, так и в формате полиграфически обработанных файлов PDF, которые вы сможете сгрузить на собственный компьютер.)